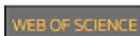

Димитриева О. А. Вакхическая лексика, вербализующая объект питья, в художественном мире Александра Грина / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 80—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96.

Dimitrieva, O. A. (2021). Bacchic Vocabulary Verbalizing Object of Drinking in Artistic World of Alexander Grin. *Nauchnyi dialog*, 4: 80-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96

Вакхическая лексика, вербализующая объект питья, в художественном мире Александра Грина

Димитриева Ольга Альбертовна

orcid.org/0000-0003-2734-640X

Researcher ID AAZ-3038-2020

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского и чувашского языков;
старший научный сотрудник
научно-исследовательского института
этнопедагогики имени
академика РАО Г. Н. Волкова
olgaal_79@mail.ru

Чувашский государственный
педагогический университет
им. И. Я. Яковлева»
(Чебоксары, Россия)

Bacchic Vocabulary Verbalizing Object of Drinking in Artistic World of Alexander Grin

Olga A. Dimitrieva

orcid.org/0000-0003-2734-640X

Researcher ID AAZ-3038-2020

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian and Chuvash
Languages; Senior Researcher,
Research Institute of Ethnopedagogy
named after Academician G. N. Volkov
of the Russian Academy of Education
olgaal_79@mail.ru

Chuvash I. Yakovlev
State Pedagogical University
(Cheboksary, Russia)

© Димитриева О. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности вербализации объекта питья в художественном мире Александра Грина. Материалом для исследования послужили известные романы автора «Алые паруса», «Золотая цепь», «Бегущая по волнам» и некоторые рассказы. Новизна исследования видится в том, что анализируется индивидуально-авторское преломление ситуации винопития. Выделяются значимые, с точки зрения писателя, аспекты репрезентации указанной ситуации. Отмечается, что основной доминантой интерпретации ситуации винопития в романтических произведениях Грина является эстетическая. Особое внимание уделяется месторасположению вина, его «обрамлению» в вакхических описательных контекстах, в которых значимыми также являются следующие элементы: золотисто-алое сочетание сосуда и содержимого, изысканность, представленная в описаниях мельчайших деталей. Выявлено, что языковым воплощением таких описаний являются эпитеты (качественные и относительные прилагательные), сравнительные обороты и метафоры. Показано, что эстетический компонент составляют визуальные (цветовые), ольфакторные, тактильные оценки, которые в совокупности репрезентируют пиршество, праздник жизни. При анализе аксиологического компонента в репрезентации вина отмечается, что его ценность обуславливается его «возрастом», который может соотноситься с веками жизни человека или нескольких поколений.

Ключевые слова:

А. Грин; объект винопития; семантика; культура винопития; национальный менталитет; идиостиль; индивидуально-авторская картина мира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of verbalization of the object of drinking in the artistic world of Alexander Grin are considered. The material for the research was the famous novels of the author "Scarlet Sails", "The Golden Chain", "Running on the Waves" and some stories. The novelty of the research is seen in the analysis of the individual author's refraction of the wine drinking situation. Significant, from the point of view of the writer, aspects of the representation of this situation are highlighted. It is noted that the main dominant of the interpretation of the situation of wine drinking in the romantic works of Green is aesthetic. Particular attention is paid to the location of the wine, its "framing" in Bacchic descriptive contexts, in which the following elements are also significant: the golden-scarlet combination of the vessel and the contents, sophistication presented in the descriptions of the smallest details. It was revealed that the linguistic embodiment of such descriptions are epithets (qualitative and relative adjectives), comparative phrases and metaphors. It is shown that the aesthetic component is made up of visual (color), olfactory, tactile assessments, which together represent a feast, a celebration of life. When analyzing the axiological component in the representation of wine, it is noted that its value is determined by its "age", which may correspond to the milestones of a person's life or several generations.

Key words:

A. Green; wine drinking object; semantics; wine drinking culture; national mentality; idiostyle; individual author's picture of the world

Вакхическая лексика, вербализующая объект питания, в художественном мире Александра Грина

© Дмитриева О. А., 2021

1. Вводные замечания. Винопитие и его объект сквозь призму культуруроносных смыслов

В мире художественного произведения бытовые зарисовки создают необходимый фон, на котором разворачиваются события. Одной из составляющей бытовых картин является ситуация винопития. Спиртное, или объект питания, занимает определенное место и выполняет разные функции, одновременно эксплицируя семантику культуры.

Ясно, что «расстановка» алкогольных напитков в вымышленном мире прежде всего подчиняется жанру и сюжету произведения и соответствует замыслу автора. Так, сравним с этой точки зрения романы Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Воскресение». Эпопейный замысел и исторический фон первого включает разнообразие названий напитков, их родовых и видовых вариантов, в том числе на французском языке, (1) и используемой посуды (2): (1) *вино / le vin (венгерское, (московское) бордо, Марго, красное, сладкое), ром, дрейдмадера, рейнвейн, шампанское, водка, допелькюмель, портвейн, охотничья запеканочка, травник, наливка, мадера / madère, пунш*; (2) *стакан, рюмка, (серебряная) чарка, бокал, крышка манерок, бутылка, полбутылки* и др. Роман «Воскресение» отличается морально-психологическим контекстом, воспроизведением этических оценок, что отражается на воплощенных в романе бытовых реалиях, в том числе на использовании небольшого количества разных наименований спиртного: (1) *(красное) вино, винцо* (часто употребляется в обобщенном значении 'любое спиртное'), *коньяк (финь-шампань), водка, ликер, гамырка*; (2) *рюмка, стакан, кружка, полчашики, бутылка, графин (графинчик)*.

В пределах одного романа количество употребляемых контекстов с наименованиями спиртных напитков может варьироваться: в повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» в первой части, в которой описывается жизнь отчима Неточки Ефимова, часто приводятся его «вакхические» характеристики, в то время как во второй части, изображающей пребывание Неточки у Александры Михайловны, нет ни одной сцены, включающей застолье и винопитие. В тетралогии Ф. Абрамова «Братья и сестры» первая одноименная часть, посвященная годам Великой Отечественной войны, включает лишь небольшие фрагменты, в которых содер-

жится застолье или винопитие, что отличает ее от последующих частей романа, в которых появляется разнообразие спиртного и описываются сцены гуляний. Сюжетомоделирующая функция спиртного проявляется в характеристике героя, его вакхических пристрастиях, и вино в таком случае выступает в роли своего рода визитной карточки. В таких случаях винные образы и мотивы задают вектор развития повествования, что может быть характерно, например, для детективного жанра.

Объект питья может являться «исторической справкой», из которой читатель узнает о событиях, включающих в том числе ситуацию винопития. Например, в рассказе Н. С. Лескова «Загон» подробно описывается поддержанная правительством брошюра, в которой расписываются целебные свойства сажи в сочетании с алкоголем и негативные последствия для народа: *А главное, что в курной избе хорошо — это сажа! <...> А от сажи не только никакая мелкая гадь в стене не водится, но эта сажа имеет очень важные врачебные свойства, и «наши добрые мужички с великою пользою могут пить ее, смешивая с нашим простым, добрым русским вином». Словом — в курной избе, по словам брошюры («О целебных свойствах лоснящейся сажи». — О. Д.), было целое угодье <...> И кто может отважиться сказать: скольким людям это стоило жизни! Но тем не менее брошюра о саже имела распространение* [Лесков, т. 9, с. 365—367]. В некоторых произведениях упоминаются наименования объектов питья, которые функционируют в определенный исторический период, а позднее утрачивают актуальность, уходят в пассивный словарный запас, становясь историзмами: — *Ты что, с утра прикладывался? — Васька нахмурился, сдвинул с затылка красный перепачканный солидолом берет, но врать он не умел: — Только наркомовскую. Сотнягу, по-теперешнему* (Ф. Абрамов. Вокруг да около) [Абрамов, 1985, с. 149].

Интересна и противоположная ситуация постепенного осмысления, активизации и полного принятия слова с последующей его словообразовательной обработкой. В качестве примера рассмотрим лексему ‘алкоголик’, которая только начинает употребляться в конце XIX века, и приведем отрывок из романа Л. Н. Толстого «Воскресение»: *Но, как человек от природы умный и добрый, он [генерал] очень скоро почувствовал невозможность такого примирения и, чтобы не видеть того внутреннего противоречия, в котором он постоянно находился, все больше и больше отдавался столь распространенной среди военных привычке пить много вина и так предался этой привычке, что после тридцатипятилетней военной службы сделался тем, что врачи называют алкоголиком* [Толстой, 1978, с. 439]. Выделение во фрагменте основных характеристик генерала, таких как *отдаваться / предаваться привычке; среди военных; тридцатипятилетняя служба,*

подводит к слову, подытоживающему приведенные черты, — *алкоголик*. Отсылка к медицинской терминологии (*что врачи называют*) свидетельствует о нераспространенности лексемы. Активное употребление и переработку данной лексемы в современной речи можно проследить на материале дериватов, считающихся узуальными, типа *алкоголизм, алкоголический, алкоголичка*, просторечных единиц со сниженной стилистической окраской (пейоративной семантикой) *алкаш, алкашка, алконавт, алкашня*; ср. также случаи языковой игры: *алкоритм* — название магазина алкогольных напитков; или в анекдоте: *У нас сложилась очень сложная ситуация, и поэтому нам надо продумать алкоритм ее решения*. В современной прозе (например, в ироническом детективе Д. Донцовой) часто используются приведенные дериваты, они несут дополнительную аксиологическую нагрузку: с одной стороны, соотносят человека с классом подобных, с другой — располагают на крайней точке оценочной шкалы, задают резко негативный ракурс восприятия персонажа. Некоторые авторы (Ф. Абрамов и др.) сознательно избегают употребления слова *алкоголик*, заменяя его привычным *пьяница*.

Семантика культуры, как отмечает М. Л. Ковшова, тесно связана со шкалой ценностей и включает утилитарную, функциональную, социально-иерархическую, эстетическую, духовно-идейную семантику (подробнее см. [Ковшова, 2015]). Ситуация винопития, ее составляющие элементы часто являются маркерами социально-иерархических взаимоотношений. В литературе XIX века отношение к вину является своего рода показателем национальной идентичности (1) и / или вероисповедания (2):

(1) *Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напрапалую, пить и бразничать, как только может один русский, — всё это было ему по плечу* (Н. В. Гоголь. Тарас Бульба) [Гоголь, 1937, с. 47];

(2) — *«Куда ж, — думаю, — турку определить? Кроме как куда-нибудь арапом, куда его не определишь» — и нашла я ему арапскую должность. Нашла, и прихожу, и говорю: «Так и так, — говорю, — иди и определяйся». Тут они и затеяли **могарычи пить**, потому что он уже своей **поганой веры избавился, крестился и мог вино пить**» (Н. С. Лесков. Воительница) [Лесков, т. 1, с. 216]. В первом примере наряду с перечислением ремесел выделяются действия, выражаемые глагольным рядом *гулять, пить, бразничать*, как показатели, маркирующие национальный статус человека, что подчеркивается ограничительной частицей *один*. Во втором отрывке в рамках оппозиции «свой — чужой» противопоставляется чужая *поганая вера* христианству и вводится ироническое осмысление последствий изменения веры — возможность *пить могарычи, пить вино*.*

Лексика, вербализующая объекты винопития, может являться экспликатором социального статуса, положения, занимаемого на общественной лестнице. Рассмотрим примеры: (1) *Стояла закуска: селедка и водка. Он [Пралинский] протянул руку, сам налил огромную рюмку водки и выпил. Он никогда прежде не пил* (Ф. М. Достоевский. Скверный анекдот) [Достоевский, 1989, с. 367]; (2) [сотрудник «Головешки» генералу Пралинскому] — *Да, вы пришли, чтоб похвалиться гуманностью! Вы помешали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишком дорого для чиновника с десятью рублями в месяц жалованья... водки* (Там же) [Достоевский, 1989, с. 374]. В литературе XX века, например в произведениях Ф. Абрамова, изображение спиртного участвует в формировании различающихся по статусу образов «житель деревни — житель города», «простой колхозник — сельская интеллигенция» (подробнее см. [Димитриева, 2020]). В XXI веке вакхическая характеристика персонажа может быть атрибутом профессиональной сферы: происходит «обновление» списка профессий, особенностью которых является пристрастное отношение к спиртному (ср. ранее *пьяный как сапожник* и современный стереотип *о вечно пьяном сантехнике* у Д. Донцовой).

Предметом рассмотрения в данной статье является эстетическая семантика культуры винопития, отраженная в рассказах и повестях А. Грина, а именно семантика объектов питания, их основные черты и особенности. Анализируя высказывание К. Л. Зелинского о создании целого мира «Гринландии», А. О. Лопуха отмечает «эстетическую задачу творчества романтика» с целью «воплотить свои представления об идеале» в этой созданной стране [Лопуха, 1990, с. 112]. Исследователи творчества А. Грина пишут о таких чертах его произведений, как изображение сильных характеров, персонажей «со странными именами и ясными поступками», создание «неповторимого, фантастического, но живого мира» [Михайлова, 1972, с. 16], говорят о «поэтичности» этого мира [Лопуха, 1989, с. 142]. Как отмечает В. Е. Ковский, романтические герои писателя блуждают «по свету, жадно глотая воздух странствий», «рискуют жизнью» и «безумствуют» [Ковский, 1969, с. 105—106]. Отличительной чертой идиостилия А. Грина, его языкового мышления называют метафоричность и парадоксальность [Виноградова, 2005, с. 63; Джамбаева, 2017, с. 228; Ключерова, 2017], символизм [Михеева, 2018; Михеева, 2019].

Материалом для данного исследования послужили романы «Алые паруса», «Золотая цепь», «Бегущая по волнам» и рассказы, представленные в сборниках [Грин, 1980; Грин, 1986а; Грин, 1986б]. Во-первых, уделяется внимание участию объектов питания в создании романтического флера в художественном мире А. Грина. Во-вторых, определяется двойственность

характеристик объектов питания, с одной стороны, являющихся маркером настоящего моряка, с другой — имеющих свою историю бытия, а следовательно, и ценности. В-третьих, вино рассматривается как порог между двумя мирами и способ перехода в один из возможных миров.

2. Особенности вербализации объекта винопития в художественном мире А. Грина

2.1. Вакхический фон: предметы, обрамляющие вино

Одной из важнейших идиостилевых функций метафоры в произведениях А. Грина, по мнению А. О. Ключеровой, является эстетическая [Ключерова, 2017, с. 93]. Образность деталей в мире Грина подобна уайльд-довской: оба используют изысканные метафоры, эпитеты и сравнения при номинации тех или иных деталей. Остановимся подробнее на тех из них, которые связаны со сферой винопития. Рассмотрим примеры:

(1) *Взяв поднос с кофе, Бетси завернула к буфетчику, каннувшему ей в крошечную, как полевой колокольчик, рюмочку огненного жидкого бархата* (ликера. — О. Д.), *и понеслась к управляющему* (Блистающий мир) [Грин, 1986а, с. 112].

(2) *Вот я* [Друд] *здесь; заперт и на цепи, как черный злодей, я — заперт, а мое золото всасывает сквозь стены эти чудесные и редкие вещи. Загляни в мое помещение. Его теперь уже трудно узнать; устлан коврами пол, огромный стол посреди; на нем — графины, бутылки, кувшины, серебряные кубки и вызолоченные стаканы; на каждом стакане — тонкий узор цветов, взятый как сновидение. Они привезены из Венеции; алое вино обнимается в них с золотыми цветами. На скатерти в серебряных корзинах лежит пухлый, как заспанная щека, хлеб; вишни и виноград, рыжие апельсины и сливы, подернутые сизым налетом, напоминающим иней. Есть здесь также сыры, налитые золотым маслом, испанские сигары; окорок, с разрезом, подобным снегу, тронутому земляничным соком; жареные куры и торт — истинное кружево из сладостей, — залитый шоколадом, — но все смешано, все в беспорядке* (Там же) [Грин, 1986а, с. 140];

(3) *<...> я не успел толком сообразить, что произошло, как вровень с упавшей полкой поднялся из стены род стола, на котором были чашки, кофейник с горячей под ним спиртовой лампочкой, булки, масло, сухари и закуски из рыбы и мяса, приготовленные, должно быть, руками кухонного волшебного духа, — столько поджаристости, масла, шипенья и аромата я ощутил среди белых блюд, украшенных рисунком зеленоватых цветов. Сахарница напоминала серебряное пирожное. Ложки, щипцы для сахара, салфетки в эмалированных кольцах и покрытый золотым плетеньем из*

мельчайших виноградных листьев карминовый графин с коньяком — все явилось, как солнце из туч (Золотая цепь) [Грин, 1986а, с. 324].

Во всех трех примерах вино находится в красивом окружении, и для каждого сорта напитка подбирается свой тип посуды: *крошечная, как полевой колокольчик, рюмочка* — для ликера, *вызолоченные стаканы из Венеции* — для вина, *карминовый графин* — для коньяка. На сосудах растительный рисунок, или сам сосуд сравнивается с цветком: *как полевой колокольчик* (пример 1), *тонкий узор цветов, взятый как сновидение* (пример 2), *покрытый золотым плетеньем из мельчайших виноградных листьев* (пример 3). Желто-красная цветовая гамма передается прилагательными *огненный (бархат), алое (вино), золотые (цветы), карминовый (графин), золотое (плетенье)*. Изысканность предметов вербализуется посредством параметрических прилагательных с семантикой размера: *крошечная (рюмочка), тонкий узор, мельчайшие (виноградные листья)*. Красота, гармоничность сосуда и его содержимого, а также восторженность наблюдателя передается глагольными сочетаниями со скрытыми и эксплицитными сравнениями: *алоое вино обнимается в них с золотыми цветами; все явилось, как солнце из туч*.

Во втором и третьем отрывках вино является гармоничной частью обстановки в целом. Желто-красная цветовая гамма дополняется разнообразными колоронимами, выраженными как качественными, так и относительными прилагательными, субстантивными и компаративными словосочетаниями: 1) цвет серебра, сделано из серебра: *серебряные кубки, серебряные корзины; сахарница напоминала серебряное пирожное*; 2) белая гамма с дополнительными оттенками: *сливы, подернутые сизым налетом, напоминающим иней; окорок, с разрезом подобным снегу, тронутому земляничным соком; среди белых блюд*; 3) золотой цвет используется при описании способа приготовления еды: *жареные (куры)*; субстантивированный признак — *поджаристость*; 4) другие цвета: *сизый, рыжий, земляничный, зеленоватый* — всё это воссоздает довольно яркую и пеструю картину пира. Помимо визуальной перцепции, добавляются ольфакторная (*аромат*), звуковая (*шипенье*), тактильная (*пухлый*). В приведенных примерах также передается идея волшебства, чуда через образы волшебника-злодея и кухонного духа: *как черный злодей; золото всасывает чудесные и редкие вещи* (пример 1); *приготовленные руками кухонного волшебного духа* (пример 2).

Итак, вино является составной частью пиршества и приобретает символическое значение красивого праздника жизни. В мире Грина становятся значимыми сосуда, содержащие вино, их визуальные характеристики, в частности, передача цвета: как правило, это золотисто-алая гамма, включающая серебристо-белые и зеленоватые оттенки. Сюда же гармонично

вписываются изысканные растительные орнаменты с указанием мельчайших деталей.

2.2. Возраст вина

В произведениях А. Грина особое место уделяется возрасту вина: чем старше вино, тем более ценными свойствами оно обладает и тем бережнее к нему отношение знатоков. Рассмотрим примеры:

(1) — *Вино это старше вас, Гнор; вы томились в лесах, целовали Кармен, учились и родились, а оно уже лежало в погребке. — Он [Энниок] налил себе и Гнору, стараясь не расплескать* (Жизнь Гнора) [Грин, 1986б, с. 429].

(2) — *Мне лучше, — сказал я обычным своим тоном, — мне почти хорошо. — Раз почти, следовательно, контроль на месте, — заметил Поп. — Я ужаснулся, когда вы налили себе целую купель этого вина, но ничего не сказал, так как не видел еще вас в единоборстве с напитками. Знаете, сколько этому вину лет? Сорок восемь, а вы обоились с ним, как с водой. Ну, Санди, я теперь буду вам открывать секреты* (Золотая цепь) [Грин, 1980, с. 362—363].

В первом отрывке возраст вина измеряется веками жизни человека в ретроспективе: *томились в лесах; целовали Кармен; учились; родились*. По указанным этапам можно вывести, сколько вину лет: в начале истории говорится, что Гнору двадцать неполных лет, далее — что на острове он прожил восемь лет, следовательно, возраст вина составляет около тридцати лет. Осторожное, бережное отношение к вину Энниока проявляется в его обращении с ним: *наливает, стараясь не расплескать*. Во втором примере прямо указывается возраст вина — 48 лет, отмечается противоречие между должным обращением и эксплицированным (*обоились, как с водой; налили целую купель*), а также эмоциональная реакция человека, знающего ценность напитка, обозначенная глаголом *ужаснулся*.

Одним из ярких отрывков, характеризующих «жизнь» вина, является описание старинной легенды о вине в фамильном погребе Грзя:

(3) *В одном месте было зарыто две бочки лучшего Аликанте, какое существовало во время Кромвеля, и погребщик, указывая Грзя на пустой угол, не упускал случая повторить историю знаменитой могилы, в которой лежал мертвец, более живой, чем стая фокстерьеров <...> Там лежит такое вино, за которое не один пьяница дал бы согласие вырезать себе язык, если бы ему позволили хватить небольшой стаканчик. В каждой бочке сто литров вещества, взрывающего душу и превращающего тело в неподвижное тесто. Его цвет темнее вишни, и оно не потечет из бутылки. Оно густо, как хорошие сливки. Оно заключено в бочки черного дерева, крепкого, как железо. На них двойные обручи красной меди. На об-*

руках латинская надпись: «Меня выьет Грэй, когда будет в раю» (Алые паруса) [Грин, 1980, с. 88].

Точкой отсчета является время появления вина — период правления Кромвеля (первая половина XVII века): в семье Грэя оно оказывается в 1793 году, поэтому история вина вековая, легендарная. С одной стороны, автор, сравнивая вино с человеком, называет его *мертвецом* и место его нахождения — *могилой* (причина объясняется далее Польшадишоком: *Бочки погружены в грунт на шесть футов и засыпаны золой из виноградных стеблей* [Грин, 1980, с. 88]); с другой стороны, прилагательное *живой* в сравнительной степени включается в оксюморонное выражение (*живой мертвец*) и маркирует отличительные свойства вина, сравнивая их со стаей фокстерьеров. Вину дается разноплановая оценка: визуальная (*цвет темнее вишни*), физического состояния, консистенции (*густое, как хорошие сливки; не потечет*), квантитативная (*сто литров вещества*), квалитативная в двух аспектах — физическое и душевное воздействие (*взрывающее душу и превращающее тело в неподвижное тесто*), гедонистическая — мера желания измеряется готовностью пожертвовать частью себя (*не один пьяница дал бы согласие вырезать себе язык*), архаическая (запись, сделанная на латыни). Ценное содержимое имеет не менее значимое обрамление, включающее описание сочетаний элементов материала и цвета (*черное дерево, красная медь*): *бочка черного дерева, крепкого, как железо; двойные обручи красной меди*. Временные (*1793 год*), пространственные характеристики (*из Лиссабона, на корабле «Бигль»*), стоимость вина (*две тысячи золотых пиастров*), а также указание лиц, их имен (*Джон Грэй; Вениамин Эльян*) и рода занятий (*оружейный мастер*) придают семейной легенде правдивый, исторический характер, основывающийся на фактах: — *Эти бочки привез в 1793 году твой предок, Джон Грэй, из Лиссабона, на корабле «Бигль»; за вино было уплачено две тысячи золотых пиастров. Надпись на бочках сделана оружейным мастером Вениамином Эльяном из Пондишери* (Там же) [Грин, 1980, с. 89].

В конце романа вновь возникает образ «живого» вина, читатель узнает завершение его легенды: *Меж тем на палубе у грот-мачты, возле бочонка, изъеденного червем, с сбитым дном, открывшим столетнюю темную благодать, ждал уже весь экипаж. Атвуд стоял; Пантен чинно сидел, сияя, как новорожденный. Грэй поднялся вверх, дал знак оркестру и, сняв фуражку, первый зачерпнул граненым стаканом, в песне золотых труб, святое вино. — Ну, вот... — сказал он, кончив пить, затем бросил стакан <...> — Как понравилось оно [вино] тебе? — спросил Грэй Летику. — Капитан! — сказал, подыскивая слова, матрос, — не знаю, понравился ли ему я, но впечатления мои нужно обдумать. Улей и сад! —*

*Что?! — Я хочу сказать, что в мой рот впихнули улей и сад <...> Когда на другой день стало светать, корабль был далеко от Каперны. Часть экипажа как уснула, так и осталась лежать на палубе, **поборотя вином Грэя**... [Грин, 1980, с. 125—126]. Так вновь повторяются первоначальные характеристики вина: возраст (*столетнее*), цвет (*темная*), качество (*благодать, святое*), почтительное отношение (*снял фуражку* — вид этикетной кинемы с головным убором, по М. Л. Ковшовой, эксплицирующей как почтение, так и мистическое поклонение [Ковшова, 2015, с. 227—231]), воссоздание праздничного фона (*в песне золотых труб*), отношение как живому существу (*не знаю, понравился ли ему я; поборотя вином Грэя*) и вкусовая оценка — *улей и сад*.*

Итак, упоминание возраста вина (часто указание точного времени его «жизни») задает особый эстетический ракурс его восприятия и обуславливает особое отношение — уважительное обращение.

2.3. Вино как маркер настоящего морского дьявола

Как известно, сфера деятельности накладывает свой отпечаток. Стиль и образ жизни обуславливают определенный набор поступков. Стереотипные представления о морской жизни и морях складываются из многих компонентов, некоторые из них повторяются, такие, например, как *пить крепкие напитки*:

(1) *Горничная, накрыв к завтраку стол, ушла. Том заметил большой графин с золотистым вином и вспомнил, что капитан Кидд (из книги «Береговые пираты») должен был **пить ром** на необитаемом острове, в совершенном и отвратительном одиночестве (Гнев отца) [Грин, 1980, с. 177];*

(2) *В течение года, пока «Ансельм» посещал Францию, Америку и Испанию, Грэй промотал часть своего имуществва на пирожном, отдавая этим дань прошлому, а остальную часть — для настоящего и будущего — проиграл в карты. Он хотел быть «**дьявольским**» моряком. Он, задыхаясь, **пил водку**, а на купаньи, с замирающим сердцем, прыгал в воду головой вниз с двухсаженной высоты (Алые паруса) [Грин, 1980, с. 94].*

В первом примере в образ капитана Кидда входят следующие составляющие: необитаемый остров, полное одиночество и питье рома. Во втором примере для Грэя мерой определения степени признака *быть «дьявольским» моряком* являются поступки типа *играть в карты (и проигрывать), пить водку, прыгать в воду головой*. Оба примера связываются с должностванием: в первом оно выражено эксплицитно (*должен был*), во втором — имплицитно и связывается с соответствием образчику поведения, представляющегося Грэю, пресуппозитивным фоном знаний, что находит свое выражения в модальности желательности — *хотел* и связи

быть. Крепкие спиртные напитки *ром* и *водка* являются необходимыми репрезентантами образа морского дьявола.

3. Вино и пища как граница между двумя мирами и способ перехода в другой возможный мир

В. Н. Топоров в словарной статье «Опьяняющий напиток» в энциклопедии «Мифы народов мира» пишет о том, что «опьяняющий напиток <...> в большинстве религиозно-мифологических и ритуальных традиций <...> средство достижения особого сакрально отмеченного состояния» [Топоров, 1992, с. 256] и в ряде архаических культур особое внимание уделяется «ситуации порога, после которого священное и божественное опьянение (безумие) переходит в противоположное ему состояние, направляемое злыми силами» [Там же, с. 257]. Как отмечает Н. А. Устинова, алкоголь как элемент пищевого кода, рассматриваемый на материале диалекта, «устанавливает связи с темным (иным, чужим) миром» [Устинова, 2011, с. 71], то есть осуществляется переход через порог, за пределами которого находится «темный мир». В художественном мире А. Грина вино и другие элементы пищевого кода формируют своего рода демаркационную линию, разделяющую настоящий момент и прошлый или настоящее состояние и желаемое будущее (мечту). Состояние героя связывается с переходом из одного состояния в другое, но это, как правило, не уход в чужой мир, а скорее возвращение в свой, в мир настоящего.

Приведем примеры, в которых потребление вина описано как открывающее портал для перехода из одного состояния или из одного времени в другое: (1) — *Ну-ка выпей, а там принесут, что тебе надо, — и Том передал мне бутылку. Действительно, я в этом нуждался. За два часа произошло столько событий, а главное, — так было все это непонятно, что мои нервы упали. Я не был собой; вернее, одновременно я был в гавани Лисса и здесь, так что должен был отделить прошлое от настоящего вразумляющим глотком вина, подобного которому не пробовал никогда* (Золотая цепь) [Грин, 1986а, с. 285—286]; (2) *И вот, как, может быть, ни покажется странным, меня вдруг захлестнул зверский мальчишеский голод, давно накопившийся среди подавляющих его впечатлений; я осушил высокий прозрачный стакан с черным вином, обрел самого себя и съел дважды все без остатка, почему тарелка вернулась полная в третий раз. Я оставил ее стоять и снова выпил вина* (Там же) [Грин, 1986а, с. 391]. В первом примере неожиданные события, произошедшие с Санди, влияют на его психологическое состояние (*Я был сам не свой*) и раздваивают его, заставляют испытывать ощущения пребывания в двух разных местах одновременно (*я был в гавани Лисса и здесь*), а значит, и в двух временных планах (прошлом и те-

кушем моменте). Средством, помогающим свести хронотоп в одну точку — здесь и сейчас, — является *вразумляющий глоток вина*. Во втором отрывке также отмечается имплицитное состояние раздвоенности из-за предыдущих событий и связанных с ними впечатлений, которые заставляют забыть о витальных потребностях (*голод, давно накопленный среди подавляющих его впечатлений*). Возвращение к своему нормальному состоянию (*я <...> обрел самого себя*) и эксплицированная причина *осушил стакан с черным вином* позволяют сделать вывод о средстве для решения проблемы.

Наименования спиртного и разного рода блюд могут послужить обозначением временных границ, обрамляющих заполненный событием или деятельностью период. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Мистификация сделалась их [у трех человек] религией. И они достигли в своем роде совершенства. Так, например, легенда о бриллианте в тысячу восемьсот каратов, ехидно и тонко обработанная ими меж бокалов шампанского и арией «Жоселена», произвела могучее действие, бросив тысячи проходимцев на поиски чуда к водопаду Альпетри, где, будто над водой, в скале, сверкало чудовище (Сердце пустыни) [Грин, 1986а, с. 485]; (2) *Иди, девочка, и не забудь того, что сказал тебе я меж двумя глотками ароматической водки и размышлением о песнях каторжников. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове!* (Алые паруса) [Грин, 1980, с. 84]. Отрезок времени, с одной стороны, эксплицирует деятельность субъекта: в первом случае — это внешняя занятость (питье шампанского и слушание музыки), во втором — включается внутренняя рефлексия героя (питье водки и размышление о песнях), с другой стороны — маркирует границы результата, то есть указывает на начало и конец создания легенды о бриллианте (пример 1) или будущей истории Ассоль (пример 2).*

В следующем отрывке проявляются два мира: мир настоящий, заполненный обедом, и мир фантазий, мечты, возникающий между элементами обеда (наименованиями блюд): *Геннисон съел обед, продолжая толковать с Джен о том, что они сделают, получив деньги. За шесть месяцев работы Геннисона для конкурса эти разговоры еще никогда не были так реальны и яркие, как теперь. В течение десяти минут Джен побывала в лучших магазинах, накупила массу вещей, переехала из комнаты в квартиру, а Геннисон между супом и котлетой съездил в Европу, отдохнул от унижений и нищеты и задумал новые работы, после которых придут слава и обеспеченность (Победитель) [Грин, 1986б, с. 550—551]. Как видно из примера, временной период представлен объективной мерой (*в течение десяти минут*) и субъективной, обозначенной последовательностью приема блюд во время обеда (сначала суп, затем котлета), и этот промежуток времени заполняется виртуальной реальностью, одним из возможных миров.*

Итак, в художественном мире А. Грина спиртное соотносится с моментом перехода из одного состояния в другое и связывает смещенные временные планы или входит во временной диапазон, который заполняется как внешне видимой деятельностью, так и внутренней, которая находит свой исход в создании текста (легенды).

4. Выводы

В художественном мире А. Грина вино участвует в создании микро- и макромиров человека. С одной стороны, оно является маркером характера или статуса, например, участвует в формировании образа «настоящего» моряка как его «неизбежная» константа. Потребление вина выступает условием перехода из одного состояния в другое или средством обретения своей личности, а также возможностью перехода в другой мир — мир фантазии и мечты. С другой стороны, оно является частью эстетически оформленного окружения, обстановки, пира. В отличие от прозы второй половины XIX века, например, романов П. И. Мельникова-Печерского, где описания еды — это «раблезианское обилие и избыток» [Егоров, 2011, с. 33], включающий перечисление набора яств, их качества, в произведениях Грина — это мир цвета, мельчайших деталей, гармонии и красоты. Наименования спиртного используются как составная часть описания «праздника жизни», и они не содержат клишированных общепринятых оборотов и иронического подтекста в осмыслении, как например, названия напитков в произведениях Н. С. Лескова (см. подробнее [Димитриева, 2020]). Важным показателем ценности вина является такая его характеристика, как возраст, которая может включать дополнительные «легендарные» свойства и соотноситься с возрастом участников ситуации винопития.

Источники и принятые сокращения

1. *Абрамов Ф. А.* Повести и рассказы / Ф. А. Абрамов. — Ленинград: Лениздат, 1985. — 383 с.
2. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений : в 14 т. Т. 2 / Н. В. Гоголь. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1937. — 763 с.
3. *Грин А. С.* Алые паруса ; Блестящий мир ; Золотая цепь ; Рассказы / А. С. Грин. — Москва : Художественная литература, 1986а. — 512 с.
4. *Грин А. С.* Алые паруса : Избранное / А. С. Грин. — Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1980. — 341 с.
5. *Грин А. С.* Бегущая по волнам : Романы и рассказы / А. С. Грин. — Ленинград : Лениздат, 1986б. — 639 с.
6. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : в 15 т. Т. 4 / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1989. — 783 с.
7. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений : в 11 т. / Н. С. Лесков. — Москва : ГИХЛ, 1956—1968.

8. Толстой Л. Н. Воскресение / Л. Н. Толстой. — Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1978. — 464 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградова Е. М.* Геометрия жизни сквозь «неправильное стекло» языка А. Грина / Е. М. Виноградова // Русский язык в школе. — 2005. — № 3. — С. 63—67.
2. *Джамбаева Ж. А.* Формы анализа и интерпретации художественного текста (на материале рассказа «Зеленая лампа» А. Грина) / Ж. А. Джамбаева // Слово — образ — речь: грани филологического анализа литературного произведения. — Ярославль : Литера, 2017. — С. 225—236.
3. *Димитриева О. А.* Особенности концептуализации ситуации винопития в произведениях Н. С. Лескова / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 70—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84.
4. *Димитриева О. А.* Вербализация вакхических действий в художественном мире Фёдора Абрамова / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 39—53. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-39-53.
5. *Егоров О. Г.* Художественное время и пространство в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / О. Г. Егоров // Вестник МГСГИ. — 2011. — № 2 (6). — С. 25—38.
6. *Ключерова А. О.* Структура и функции метафор в произведениях А. С. Грина : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. О. Ключерова. — Москва, 2017. — 168 с.
7. *Ковский В. Е.* Романтический мир Александра Грина / В. Е. Ковский. — Москва : Наука, 1969. — 298 с.
8. *Ковиова М. Л.* Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. — Москва : Гнозис, 2015. — 368 с.
9. *Лопуха А. О.* Фантастический мир Александра Грина / А. О. Лопуха // Проблемы исторической поэтики. — 1990. — № 1. — С. 112—114.
10. *Лопуха А. О.* Поэтическое в художественном мире А. С. Грина / А. О. Лопуха // Жанр и композиция литературного произведения. Историко-литературные и теоретические исследования : межвузовский сборник. — Петрозаводск : ПетрГУ, 1989. — С. 142—148.
11. *Михайлова Л. (Бройт Ц. М.).* Александр Грин: Жизнь. Личность. Творчество / Л. Михайлова. — Москва : Художественная литература, 1972. — 192 с.
12. *Михеева С. Л.* Символика цветowych прилагательных как средство выражения причинно-следственных отношений в художественном тексте / С. Л. Михеева // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей II Международного симпозиума. — Симферополь, 2018. — Т. 2. — С. 424—429.
13. *Михеева С. Л.* Цветовые прилагательные в художественном тексте: семантика и прагматика (на материале произведений А. Грина) / С. Л. Михеева // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей III Международного симпозиума. — Симферополь, 2019. — Т. 2. — С. 322—328.
14. *Топоров В. Н.* Опьяняющий напиток / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1992. — С. 256—258.
15. *Устинова Н. А.* Диалектная концептуализация иномирия через призму одного из элементов пищевого кода / Н. А. Устинова // Язык и культура. — 2011. — № 4 (16). — С. 69—77.

MATERIAL RESOURCES

- Abramov, F. A. (1985). *Novels and tales*. Leningrad: Lenizdat. 383 p. (In Russ.).
- Dostoevskiy, F. M. (1989). *Collected Works*. Leningrad: Nauka. Leningrad branch.15/4: 783 p. (In Russ.).
- Gogol, N. V. (1937). *Full composition of writings*. Moskva; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 2: 763 p. (In Russ.).
- Grin, A. S. (1980). *Scarlet Sails: Favorites*. Gorkiy: Volgo-Vyatka book publishing house. 341 p. (In Russ.).
- Grin, A. S. (1986a). *Scarlet Sails; Shining world; Gold chain; Stories*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 512 p. (In Russ.).
- Grin, A. S. (1989b). *Wave Runner: Novels and Stories*. Leningrad: Lenizdat. 639 p. (In Russ.).
- Leskov, N. S. (1956—1968). *Collected Works*. Moscow: GIKhL. 11. (In Russ.).
- Tolstoy, L. N. (1978). *Resurrection*. Syktyvkar: Komi book publishing house. 464 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Dzhambaeva, Zh. A. (2017). Forms of analysis and interpretation of a literary text (based on the story “The Green Lamp” by A. Grin). In: *Word — image — speech: facets of philological analysis of a literary work*. Yaroslavl: Litera. 225—236. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2020). Features of the conceptualization of the situation of wine drinking in the works of N. S. Leskov. *Scientific Dialogue*, 2: 70—84. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2020). Verbalization of bacchic actions in the artistic world of Fyodor Abramov. *Scientific Dialogue*, 12: 39—53. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-39-53. (In Russ.).
- Egorov, O. G. (2011). Artistic time and space in the dilogy of P. I. Melnikov-Pechersky “In the woods” and “On the mountains”. *MGSGL Bulletin*, 2 (6): 25—38. (In Russ.).
- Klyucherova, A. O. (2017). *Structure and Functions of Metaphors in Works of A. S. Grin: PhD Diss*. Moscow. 168 p. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2015). *Semantics of a headdress in culture and language. Costume culture code*. Moscow: Gnozis. 368 p. (In Russ.).
- Kovskiy, V. E. (1969). *The romantic world of Alexander Grin*. Moscow: Nauka. 298 p. (In Russ.).
- Lopukha, A. O. (1989). Poetic in the artistic world of A. S. Grin. In: *Genre and composition of a literary work. Historical, literary and theoretical research: interuniversity collection*. Petrozavodsk: PetrGU. 142—148. (In Russ.).
- Lopukha, A. O. (1990). The fantastic world of Alexander Grin. *Problems of Historical Poetics*, 1: 112—114. (In Russ.).
- Mikhaylova, L. (Broyt, Ts. M.). (1972). *Aleksander Grin: A life. Personality. Creation*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 192 p. (In Russ.).
- Mikheeva, S. L. (2018). The symbolism of color adjectives as a means of expressing cause-and-effect relations in a literary text. In: *Russian language in the multicultural world: collection of scientific articles of II International Symposium*. Simferopol. 2: 424—429. (In Russ.).
- Mikheeva, S. L. (2019). Color adjectives in literary text: semantics and pragmatics (based on the works of A. Grin). In: *Russian language in a multicultural world: collec-*

- tion of scientific articles III International symposium. Simferopol. 2: 322—328. (In Russ.).*
- Toporov, V. N. (1992). Intoxicating draught. In: *Myths of peoples of world. Encyclopedia.* Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 2/2: 256—258. (In Russ.).
- Ustinova, N. A. (2011). Dialectal conceptualization of the other world through the prism of one of the elements of the food code. *Language and culture, 4 (16): 69—77. (In Russ.).*
- Vinogradova, E. M. (2005). The geometry of life through the “wrong glass” of A. Grin’s language. *Russian language at school, 3: 63—67. (In Russ.).*